

— Господин глава клана... то есть, брат Аято, приветствую. — Поймав выразительный взгляд Камисато Аято, Тома мгновенно сориентировался: — Меня зовут Тома, прошу любить и жаловать, ха-ха.

— Супер-мега-универсальный управляющий по хозяйству — это прозвище тебе очень подходит. Оно такое точное, мне нравится.

Услышав это при господине главе клана, Тома необъяснимо смутился, мечтая провалиться сквозь землю.

— Ха-ха-ха-ха-ха! Тома, не стесняйся, с братом Аято очень легко общаться. Мы с ним, можно сказать, встретились слишком поздно! Если бы не его слова о том, что послушный жук, в котором разгорается боевой дух, — это осознание, которому я должен быть верен всю жизнь, я бы, наверное, бросил жучиные бои ещё после семьсот восьмидесятого поражения. Уверен, вы тоже станете отличными друзьями, ха-ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха, вот как? Какая неожиданная встреча, — Тома почувствовал, как лицо заливают румянцем: то ли от слов Аратаки Итто о его стеснительности, то ли от едва заметной насмешки господина.

Тома приложил ладонь ко лбу, умоляя взглядом дорогого господина о пощаде.

Какой же он милый.

Камисато Аято, не меняясь в лице, с улыбкой наблюдал за тем, как Тома делает большой глоток чая с молоком, отчего тот покраснел ещё сильнее.

Господин, умоляю, забудьте об этом, перестаньте меня дразнить...

— Мне кажется, мы с Томой тоже очень близки. Кто знает, может, будем видеться каждый день.

Затем Камисато Аято поднял взгляд на Итто:

— Раз уж мы встретились и так хорошо поладили, почему бы нам не прогуляться втроём? Брат Итто, ты не против, если мы составим тебе компанию?

— А? Я вообще-то...

Тома только хотел отказаться, как Аратаки Итто совершил резкий рывок, заключив Камисато Аято и Тому в объятия с обеих сторон. Его громкий, залиvistый смех не дал Томе и слова вымолвить:

— Ха-ха-ха-ха-ха! Конечно, я не против! Раз мы все познакомились, значит, мы теперь друзья. Пошли! Поедим чего-нибудь вкусенького! Я знаю отличные места, следуйте за мной, точно не прогадаете!

— Супер-мега-универсальный управляющий, не упускай такой возможности, давай прогуляемся, — Аято, тоже находясь в крепких объятиях, не упустил случая подколоть Тому. Понимая, что отвертеться не выйдет, Тома лишь кивнул.

Так двое превратились в троицу, шагающую в обнимку под предводительством Аратаки Итто. По шумным улицам и переулкам разносились их радостные голоса.

Прогулка затянулась до глубокой ночи. После того как Итто наконец попрощался с ними, Камисато Аято и Тома вместе направились к поместью Комиссии Ясиро.

Ночь в Инадзуме была тихой, лишь лунный свет мягко ложился на дорогу. Они неспешно шли по тропинке, а рисовые поля по обе стороны тихо шелестели, будто шепча о чём-то своём. Песня ночи, сотканная из стрекота насекомых и дуновения ветра, убаюкивала, а далёкие горы, укутанные дымкой, дарили ощущение покоя.

На развилке, где влево уходила дорога к Лесу Тиндзю, Аято невольно вспомнил, как искал там с Итто белых оникабуто, и не сдержал смешка. Тома, идущий следом, с любопытством спросил:

— Господин, вы в таком хорошем настроении, что-то весёлое вспомнили?

Аято в подробностях рассказал об истории, приключившейся днём, опустив лишь мелкие неприятности. Это помогло Томе лучше узнать Аратаки Итто, и он не мог не восхититься его простодушием.

— Да уж, если бы не те события, возможно, я тоже был бы таким же простым и счастливым, как брат Итто. Но, по крайней мере, я уберёг Аяку, позволив ей сохранить чистоту и радость. Пусть она стоит на солнце, неся в себе ту долю счастья, что я не смог удержать сам. Я не подвёл родителей и не подвёл себя как старший брат...

Тихий голос эхом разносился над пустым полем, проникая в самое сердце Тома и вызывая укол жалости.

— Господин...

Тома прекрасно знал, насколько талантлив Аято. Но его путь никогда не был лёгким. Скоропостижная смерть прежнего главы клана и постепенный упадок рода вынудили юного наследника взвалить на свои плечи огромный груз ответственности, балансируя между процветанием семьи и собственной жизнью.

Он видел господина, работающего ночи напролёт и падающего от усталости; видел, как тот, измотанный бесконечными делами, подвергался несправедливой критике со стороны завистников и толпы; видел, как Аято, преодолевая болезнь, продолжал работать, слушая бесконечные жалобы подчинённых; видел, как он срывался от давления, тайком плакал, а на следующее утро, с красными глазами, как ни в чём не бывало успокаивал всех вокруг.

Как лидер клана, Аято должен был быть примером. Он обязан был сохранять хладнокровие, принимать верные решения и выстраивать отношения с союзниками.

Господин был словно человек, угодивший в Море пепла, где время утекает в безмолвном удушье. Тяжесть в конечностях напоминала об опасности, выхода не было, и приходилось лишь плыть вперёд и вверх, даже если впереди лишь бесконечная пучина.

Поэтому Тома хотел лишь одного — поддерживать его, брать на себя часть забот, давая господину хоть немного вздохнуть. Единственные капризы Аято — любовь к необычной еде да редкие шутки — казались такими незначительными по сравнению с его ношей.

По мере того как дела клана Камисато шли на лад, Тома чувствовал, что делает недостаточно. Он мог лишь следить за бытом, понимая, что в тех сферах, куда ему вход заказан, господин продолжает нести свой крест в одиночку, не желая никого тревожить.

— Общение с братом Итто было приятным, но по сравнению с тобой, моим супер-мега-универсальным управляющим, это совсем не то, ха-ха.

Очередное упоминание этого звания вернуло Тому в реальность. Голубые глаза господина лукаво блестели, заставляя сердце Тома биться быстрее.

— Господин, ну не дразните меня. Это они так, шутки ради, не принимайте всерьёз.

Аято остановился и на мгновение задумался:

— Пожалуй, ты прав. Это не совсем верно.

— М? — Тома тоже остановился, ожидая ответа.

— Правильно будет: супер-мега-универсальный управляющий клана Камисато. Такие таланты, как Тома, — это бесценное сокровище нашего клана, и клеймо Камисато здесь просто необходимо.

То, что глава клана всерьёз размышлял лишь о том, как правильно «застолбить» за собой помощника, как любимую игрушку, вызвало у Тома одновременно и смех, и слёзы. В конце концов он не сдержался и рассмеялся.

В лунном свете стояли две фигуры: один согнулся от хохота, а другой смотрел на него с мягкой улыбкой.

— Вот так гораздо лучше. Ни в прошлом, ни сейчас такое унылое выражение лица тебе не к лицу.

Тома отсмеялся и вдруг осознал:

— Господин, вы сделали это нарочно... А-а, никогда бы не подумал, что вы будете обращаться со мной как с ребёнком. Но я ведь не Аратаки Итто.

Несмотря на слова, на душе у Тома стало тепло.

— Раз уж я столько наговорил, хочу узнать, что сегодня делал ты. Давай пойдём медленнее, побудь со мной ещё немного.

— Господин, вы же знаете, я не могу отказать вам ни в одной просьбе.

— Вот как? Тома, ты слишком меня балуешь. Так ты меня совсем разбалуешь, и я стану ещё более жадным.

Для Камисато Аято появление Тома стало спасительной соломинкой, источником тепла и восходящим солнцем, чьи лучи дарили ему мужество.

Но соломинка — лишь странник, причаливший к берегу после бури. Когда-нибудь, когда наступит ясный день, он посадит семена своей родины, и, когда они взойдут, он улетит домой на крыльях ветра.

Что может предложить скучная сухая коряга, чтобы удержать солнце? Заросшую сорняками почву? Ползающих повсюду насекомых? Или те тяжёлые, полные лишений дни, что они провели вместе? Даже если воспоминания не были идеальными, коряга не хотела их осквернять. И уж точно не должна была использовать их, чтобы привязать к себе тёплое солнце, вечно взывая к его заботе.

Солнце встаёт и заходит — лишь следуя законам природы, оно существует гармонично. А скованное солнце будет лишь угасать. Этот путь был обречён на грязь, но того, что свет однажды коснулся его, было достаточно.

— Господин, в моём присутствии вы можете быть собой. Я всегда буду вас поддерживать, даже если вы станете чуточку жаднее.

Поэтому, пожалуйста, опирайтесь на меня ещё больше.

Эту последнюю фразу Тома произнёс лишь про себя.

Сейчас господин уже стал выдающейся личностью, но и он, Тома, будет становиться сильнее. Когда придёт время, он скажет это в лицо.

— Что ж, я понял. Вернёмся к делу, рассказывай, чем занимался сегодня.

Один неспешно рассказывал, другой терпеливо слушал, время от времени кивая. Так, шаг за шагом, они вернулись в поместье Камисато. Присев отдохнуть в беседке во внутреннем дворе, они увидели, как луна, завершив свой путь, озарила беседку мягким светом, словно желая дослушать историю до конца.

— Ты сказал, что Аяка и Путешественник сегодня тоже были в Лесу Тиндзю?

— Да. Эти два дня, пока вас не было, госпожа Аяка всё время проводила с Путешественником Итэром. Говорили, что выполняют задание, связанное с прежней госпожой.

— Как некстати, мы разминулись, — Аято пригубил чай, приготовленный Томой. Вкус был слегка терпким, но послевкусие — свежим и долгим. Вполне неплохо.

— Госпожа Аяка вернулась в отличном настроении, на лице сияла улыбка, которую она не могла скрыть.

— Вот как... У Аяки появились свои тайны. Она молчит, чтобы не волновать нас. Если Путешественнику удалось за два дня помочь ей разрешить внутренние сомнения, то результат весьма хорош.

Только вот, будь на месте Итэра кто-то другой, возможно, чувства Аяки могли бы найти отклик. Но, к сожалению, сердце этого человека уже занято.

Тома отпил чаю и продолжил:

— Да, госпожа Аяка сильно повзрослела, она постепенно берёт на себя груз ответственности клана. У неё стало больше забот, и мы не можем просто так вмешиваться. Но Путешественник Итэр другой. Он справедлив, добр, умен и храбр. Его подвиги в Мондштадте и Ли Юэ известны во многих странах. Путник из далёких краёв, его путь полон красок и встреч, он многое повидал. Госпожа Аяка всегда им восхищалась, возможно, она смогла многому у него научиться.

Услышав это, Аято невзначай спросил:

— Тома, у тебя такое высокое мнение о Путешественнике?

Тома, ничего не заподозрив, ответил:

— Да, и в плане личных качеств, и в плане способностей Путешественник — человек, с которым стоит дружить.

— Вот как, — Аято опустил взгляд. — Тома, раз уж ночь такая прекрасная, напевай мне что-нибудь. Я хочу послушать.

Тома опешил: с чего это господин вдруг захотел музыки?

— Прошу прощения, господин, но я не мастер петь, да и не поздно ли уже...

— Тома, ты обещал, что не откажешь мне ни в чём. И я не оставлю тебя одного. Ты будешь напевать, а я буду танцевать.

— Господин, вы будете танцевать?!

Неужели господин умеет танцевать? Впрочем, как глава клана Камисато, он обязан владеть светским этикетом и танцами. Господин ведь мастер на все руки!

— Что? Ты не хочешь?

— Нет, что вы...

— Ту мелодию, которую ты часто играешь на листе. Я уже приготовил его для тебя.

Тома принял протянутый Аято зелёный листок, всё ещё не понимая, что происходит. Мелодия на листе... правда?

Камисато Аято уже вышел в центр двора и принял позу, купаясь в лунном свете.

— Готов? Начинай.

Лунный свет, словно вода, окутал всё вокруг, и чистая мелодия с нотками Мондштадта зазвучала в тишине. Взгляд Аято стал решительным и глубоким. В такт музыке его пальцы легко двигались, словно он исполнял прекрасное музыкальное произведение. Его запястья плавно вращались, рисуя в воздухе живую картину.

Взгляд Тома был прикован к танцу Аято, словно падающая звезда, прорезавшая ночное небо. Он никогда не видел ничего подобного: лёгкие, уверенные движения, каждый поворот, наполненный силой и чувством. Это было так же элегантно и непринуждённо, как и вся жизнь

его господина.

С каждым движением складной веер в его руках превращался в гибкие крылья, чертя в воздухе изящные линии. Тело и веер танцевали в унисон, как пара партнёров, отдаваясь магии лунной ночи. Это было так глубоко и завораживающе, что Тома не мог отвести глаз.

Мелодия смолкла, танец завершился. Пришло время занавеса, и не нужно было ничего добавлять.

— Спокойной ночи, супер-мега-универсальный управляющий клана Камисато.

— Спокойной ночи, господин. Пусть вам приснятся добрые сны.

<http://bllate.org/book/21788/2253641>